

18+

ЮРИЙ ДРАЗДОВ

МАНАКОП. АРКА 7

Юрий Драздов
Манакоп. Арка 7

«Издательские решения»

Драздов Ю.

Манакоп. Арка 7 / Ю. Драздов — «Издательские решения»,

В Пепельной Воронке магия — платный ресурс, а бедняки — лишь «мана-пакеты» с рассчитанным коэффициентом полезной смерти. Бывший инквизитор Кай, сожжённый изнутри вирусом «Взломанный Свиток», возглавляет отчаянную операцию «Нулевой Баланс». Пройдя через коллекторов-киборгов и предавшего Архитектора, он узнаёт страшную правду: дети в приютах — самый эффективный источник топлива для Системы, а «плановые списания» — обычная квартальная отчётность. Финальная цель — взломать исходный код вселенной

© Драздов Ю.

© Издательские решения

Содержание

Глава 37: Операция «Нулевой Баланс»	6
Часть I. Точка схождения	7
Часть II. Тени в коллекторе	14
Часть III. Вторжение	18
Часть IV. «Нулевой Баланс»	23
Часть V. Нулевая сумма	28
Глава 38: Безлимит и хаос	31
Часть I. Золотой час	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Манакон. Арка 7

Юрий Драздов

© Юрий Драздов, 2026

ISBN 978-5-0070-1652-0 (т. 7)

ISBN 978-5-0070-0543-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 37: Операция «Нулевой Баланс»

Часть I. Точка схождения

I

Кай не спал третьи сутки. Он сидел, привалившись спиной к холодной обсидиановой стене древнего убежища, и смотрел на медные кольца механизма Создателей, которые всё ещё слабо мерцали бледно-голубым светом — отголоском той колоссальной энергии, что прошла через них несколько часов назад. Его тело, измученное интеграцией с Системой, ныло каждой клеткой. Мышцы были ватными, суставы — скрипучими, как ржавые петли. В висках пульсировала тупая, глубокая боль, которая не проходила ни от стимуляторов Лины, ни от короткого забытья, в которое он время от времени проваливался, чтобы через несколько минут снова вынырнуть — взмокший, дрожащий, с бешено колотящимся сердцем. «Скверна», загнанная вглубь активацией «Взломанного Свитка», не исчезла. Она затаилась где-то на самом дне его существа, как хищник, выжидающий момента для последнего броска. И Кай знал: этот момент близок.

Но ещё ближе был другой момент. Тот, ради которого он прошёл через Разлом, через «Предохранитель», через ультиматум Архитектора. Тот, ради которого его отец тридцать лет назад начертил карту подземных ходов Старого Города. Тот, ради которого Ноль отдала ему «Взломанный Свиток», а Лина едва не выжгла свой мозг, запуская паразитный процесс. Финал. Точка схождения всех путей. Операция «Нулевой Баланс».

Название придумала Лина. Она сидела напротив Кая, скрестив ноги, перед своим портативным монитором, и её пальцы — одна человеческая, одна механическая — быстро бегали по клавиатуре. Механическая рука всё ещё дымилась после недавней перегрузки, манипуляторы на кончиках пальцев подрагивали, как конечности раненого насекомого, но Лина не обращала на это внимания. Её красная линза, заменявшая правый глаз, вращалась с неестественной скоростью, фокусируясь то на строках кода, то на схемах, то на лице Кая. Она была похожа на пианистку, которая играет самую сложную сонату в своей жизни, зная, что от каждой ноты зависит судьба мира. И в каком-то смысле так оно и было.

— «Нулевой Баланс», — произнесла она, не отрываясь от монитора, и в её голосе, обычно ровном и аналитическом, прозвучала странная, почти торжественная интонация. — Это не просто название операции. Это её суть. Мы не пытаемся уничтожить Систему — это невозможно. Мы не пытаемся отключить Тарификацию — это временно. Мы пытаемся изменить само уравнение. Сделать так, чтобы магия перестала быть товаром.

— Разве это не то же самое, что пытался сделать Архивариус? — спросил Шнырь. Он сидел в углу, обхватив колени руками, и его лицо, бледное и напряжённое, выражало одновременно страх и возбуждение. За последние дни мальчишка изменился ещё сильнее. Он больше не сутулился. Его глаза, лихорадочно блестящие в полумраке, смотрели на мир с той особой, пугающей трезвостью, которая появляется у детей, слишком рано узнавших цену жизни и смерти. Он стал солдатом. И Каю было горько это осознавать.

— Нет, — ответила Лина, качая головой. — Архивариус хотел разрушить Систему. Сломать её. Устроить восстание, которое бы смело протоколы и вернуло магию людям — бесконтрольно, хаотично, без всяких правил. Это была бы катастрофа. Дикая мана, которую Создатели умилили с помощью Системы, вырвалась бы на свободу и уничтожила всё. Мы пытаемся

сделать другое. Мы не ломаем клетку. Мы просто... убираем замок с двери. Магия остаётся в рамках, но доступ к ней становится свободным. Не бесконтрольным — но и не платным.

— И как ты собираешься это сделать? — спросил Грегор. Старый инквизитор сидел у входа в убежище, прижавшись спиной к обсидиановой стене, и методично точил свой меч. Звук точильного камня о лезвие — резкий, металлический, ритмичный — был единственным звуком, который нарушал тишину подземелья. Грегор задал вопрос, не поднимая головы, но Кай видел по его напряжённым плечам, что старик напряжён до предела.

Лина развернула монитор так, чтобы всем было видно. На экране отображалась сложная схема — переплетение линий, узлов, потоков данных, напоминавшее одновременно и карту города, и нервную систему гигантского организма.

— Это архитектура Тарификации, — пояснила она, указывая на центральный узел схемы. — Каждое заклинание, которое произносится в городе, каждый расход маны, каждое действие, требующее энергии, регистрируется вот здесь — в Центральном Узле Пепельной Воронки. Узел обрабатывает запрос, сверяет его с текущим балансом пользователя, списывает средства и только потом санкционирует расход. Это происходит за микросекунды, но это происходит. Тарификация — это не просто подсчёт денег. Это разрешительная система. Без неё магия не работает — или, точнее, Система не даёт ей работать, блокируя доступ к «фону».

— Мы знаем это, — перебил Грегор. — Ближе к делу.

— Дело в том, — продолжила Лина, и её голос стал твёрже, — что Узел — это не просто машина. Это интерфейс. Мост между Системой и «фоном». Если мы получим доступ к этому интерфейсу, мы сможем изменить правила Тарификации. Не отключить её — это вызовет коллапс, — а перенастроить. Заменить платную модель на... нулевую. Сделать так, чтобы каждый запрос автоматически получал санкцию, а стоимость списывалась не с пользователей, а с самой Системы.

— Система никогда на это не согласится, — возразил Грегор. — Это равносильно самоубийству.

— Именно поэтому мы не будем спрашивать её согласия, — ответил Кай, и все повернулись к нему. Он медленно поднялся на ноги, преодолевая боль в мышцах и тяжёлую, свинцовую усталость. Его голос, сорванный и хриплый, прозвучал в тишине убежища с той особой, непоколебимой уверенностью, которую он сам не ожидал от себя услышать. — Мы сделаем это через «Взломанный Свиток». Через мой новый статус. Архитектор признал меня «Конкурирующим Администратором». Он дал мне доступ к протоколам Системы — ограниченный, но достаточный, чтобы я мог действовать. Я не могу просто приказать Системе отменить Тарификацию — она не подчинится. Но я могу... предложить ей сделку. Такую сделку, которую она не сможет отвергнуть.

— Какую сделку? — спросил Шнырь, и его глаза расширились от любопытства.

Кай подошёл к механизму Создателей и положил ладонь на его медные кольца. Металл был тёплым — не обжигающим, но живым, словно кровь всё ещё текла по его жилам.

— Архитектор — это алгоритм, — произнёс он медленно, подбирая слова. — Он запрограммирован на оптимизацию. На эффективность. На поддержание порядка. Если я покажу ему, что «Нулевой Баланс» более эффективен, чем Тарификация, — что он снижает нагрузку на Систему, уменьшает количество нарушений, повышает продуктивность пользователей, — он будет вынужден принять его. Не из доброты. Не из справедливости. Из чистой, холодной логики. Потому что алгоритм не может отвергнуть более эффективное решение. Это противоречило бы его собственной природе.

— А если он всё равно отвергнет? — спросил Грегор, и его голос, низкий и раскатистый, прозвучал с тревогой. — Если его программирование включает защиту от подобных манипуляций?

— Тогда мы переходим к плану «Б», — ответил Кай, и его голос стал жёстче. — Тогда мы активируем вирус в режиме атаки. Не для того, чтобы уничтожить Систему. Для того, чтобы создать мёртвую зону — достаточно большую, чтобы охватить весь сектор Пепельной Воронки. В этой зоне Тарификация не будет работать. Совсем. И людям будет всё равно, что думает Архитектор. Они увидят, что магия может быть свободной. И они больше никогда не согласятся на рабство.

В убежище воцарилась тишина. Грегор перестал точить меч. Лина перестала печатать. Даже Шнырь, который обычно не мог усидеть на месте, замер и затаил дыхание. Все смотрели на Кая — на этого человека, который ещё несколько недель назад был обычным инквизитором, выписывающим штрафы и не задающим вопросов, а теперь стоял перед ними как лидер. Как генерал перед решающей битвой. Как наследник Создателя, готовый завершить то, что его отец начал тридцать лет назад.

— Это безумие, — произнёс наконец Грегор, но в его голосе не было осуждения. Только усталость. И что-то ещё — возможно, гордость. — Ты понимаешь, что если план «А» не работает, а план «Б» убьёт тебя, то всё будет кончено? Дети в приюте останутся без защиты. Сектанты — без лидера. Город — без надежды.

— Поэтому мы должны сделать так, чтобы план «А» сработал, — ответил Кай, и в его голосе, несмотря на всю усталость, прозвучала непоколебимая решимость. — Мы не имеем права на ошибку. Поэтому мы подготовимся. Тщательно. До последней детали. И когда мы выйдем отсюда, мы будем готовы ко всему.

Он повернулся к Лине:

— Рассказывай план. Полностью. Со всеми деталями. Я хочу знать каждую уязвимость, каждую точку входа, каждый возможный сценарий. Если мы идём на это, мы идём с открытыми глазами.

Лина кивнула и развернула на мониторе новую схему — ещё более сложную, чем предыдущая. Это была карта Пепельной Воронки, на которую были наложены линии протоколов, зоны покрытия сенсоров, маршруты патрульных дронов и расположение автоматов. В центре карты, отмеченный алым кругом, пульсировал Центральный Узел — массивное здание, напоминавшее одновременно крепость и собор, которое возвышалось над ржавыми крышами Воронки как символ власти Системы.

— Центральный Узел, — начала Лина, указывая на алый круг, — это не просто административное здание. Это укрепленный бункер, построенный ещё до Войны Интеграции. Его стены — три метра армированного бетона. Его защита — четыре кольца автоматов «Вестингауз М-9», усиленная версия тех, с которыми вы сталкивались раньше. Его сенсоры — полный спектр: тепловизоры, детекторы магии, сканеры движения, эхо-локаторы. Плюс дроны-разведчики, которые патрулируют воздушное пространство в радиусе километра. Проникнуть туда незамеченным практически невозможно.

— Практически, — повторил Кай, уцепившись за слово. — Но не абсолютно.

— Именно, — подтвердила Лина, и на её губах мелькнула тень улыбки. — У всего есть слабость. Даже у Узла. Первая слабость — это его возраст. Здание построено до Войны Интеграции, и хотя его модернизировали, основа осталась прежней. Под ним проходят старые технические туннели — часть той самой канализационной системы, которую ты использовал для побега. Эти туннели не обозначены на официальных картах Системы. Они слишком старые, слишком примитивные. Система просто не считает их частью своей инфраструктуры.

— Мы можем пройти через них? — спросил Грегор.

— Можем, — кивнула Лина. — Но с трудом. Туннели частично затоплены, частично обрушены. Нам придётся пробираться через грязь, ржавчину и, возможно, через тварей, которые там обитают. Но это возможно. Я проложила маршрут — он начинается в старом коллекторе на окраине Воронки и заканчивается прямо под фундаментом Узла. Оттуда, через технический люк, можно попасть в подвальный уровень здания.

— Что насчёт защиты внутри? — спросил Кай.

— Внутри — сложнее, — призналась Лина. — Подвальный уровень не особо охраняется — там только технические помещения, генераторы, кабельные шахты. Но чем выше, тем плотнее защита. Главный зал, где находится накопитель и центральный терминал, — на третьем этаже. Между нами и ним — два этажа коридоров, патрулируемых автоматами, и как минимум три контрольно-пропускных пункта с живой охраной. «Белые Плащи». Не простые оперативники — элитный отряд, который охраняет Узел круглосуточно.

— Сколько их? — спросил Грегор.

— По моим данным — двенадцать человек, разделённых на три смены. В любой момент времени в здании находятся четверо — плюс автоматы, плюс дроны. Это не считая технического персонала и операторов, которые работают в диспетчерской на втором этаже.

— Четверо «Плащей» и автоматы, — задумчиво повторил Грегор. — Против нас троих. И Шныря.

— Я тоже буду сражаться! — воскликнул Шнырь, вскакивая на ноги. — Я не останусь в стороне!

— Ты и не останешься, — спокойно ответил Кай, кладя руку на его плечо. — Но твоя роль будет другой. Ты — наш связной. Наши глаза и уши. Ты будешь координировать операцию

через «Шёпот», держать связь с Сектантами и предупреждать нас о передвижениях Системы. Без тебя мы будем слепы. Понимаешь?

Шнырь хотел возразить, но что-то в голосе Кая заставило его замолчать. Он посмотрел на инквизитора — на его измученное, но решительное лицо, на его глаза, в которых горел всё тот же непоколебимый огонь, — и медленно кивнул.

— Я понимаю, господин инквизитор. Я не подведу.

— Я знаю, — ответил Кай, и в его голосе прозвучала теплота, которую он редко позволял себе показывать. — Ты никогда не подводил.

Лина продолжила:

— План таков. Мы проникаем в Узел через технические туннели. Поднимаемся на второй этаж, где находится диспетчерская. Захватываем её — это даст нам контроль над локальной сетью Узла и доступ к протоколам безопасности. Затем Шнырь через «Шёпот» даёт сигнал Сектантам. Их задача — начать атаку на западный накопитель, имитируя полномасштабное восстание. Это отвлечёт «Плащей» и заставит Систему перебросить часть сил из Узла на периферию.

— Атака Сектантов... — произнёс Грегор, и его голос прозвучал с сомнением. — Ты уверена, что они справятся? После всего, что случилось, после разрушения Алтаря, после потерь, которые они понесли? У них хватит сил?

— У них хватит отчаяния, — ответил Кай за Лину, и в его голосе прозвучала горькая правда. — Сектанты сражаются не за победу. Они сражаются за шанс. За шанс на то, что их жертва будет не напрасной. Архивариус уже атаковал Систему, и его атака, хоть и была подавлена, показала, что Система уязвима. Сектанты знают это. Они готовы умереть, чтобы доказать, что свобода возможна.

— Я договорилась с ними через старые каналы, — добавила Лина. — У них есть оружие. У них есть боеприпасы. У них есть люди, которые добровольно вызвались на эту миссию, зная, что могут не вернуться. Они не просят нас о помощи — они просят нас не упустить шанс, который они нам дадут.

Тишина. Только гул механизма Создателей, слабый и далёкий, как эхо древней эпохи.

— Хорошо, — произнёс наконец Грегор. — Допустим, мы прорвёмся в главный зал. Допустим, мы захватим терминал. Что дальше? Как именно Кай активирует «Нулевой Баланс»?

Лина повернулась к Каю:

— Ты должен будешь подключиться к накопителю напрямую. Не через интерфейс, не через терминал — напрямую. Положить руки на его ядро и активировать «Взломанный Свиток» в режиме интеграции, как ты сделал это здесь. Но с одним отличием: в этот раз ты должен будешь не просто предложить Архитектору сделку. Ты должен будешь навязать ему новое пра-

вило. Правило, которое он не сможет отменить, потому что оно станет частью его собственного кода.

— Как вирус, — прошептал Шнырь, и его глаза расширились от понимания.

— Именно, — подтвердила Лина. — «Взломанный Свиток» — это вирус. Но до сих пор мы использовали его как снаряд: запускали, и он действовал. Теперь мы должны использовать его как вакцину. Ввести в Систему и позволить ему стать её частью. Изменить её изнутри. Сделать «Нулевой Баланс» не временной аномалией, а постоянным протоколом.

— Это убьёт меня, — тихо произнёс Кай.

Это был не вопрос. Это была констатация факта.

Лина опустила глаза. Её механическая рука, всё ещё дымившаяся, сжалась в кулак. Грегор, стоявший у входа, перестал дышать. Шнырь побледнел.

— Не обязательно, — сказала Лина, но её голос дрогнул. — Когда ты интегрировался с Системой здесь, в этом убежище, ты выжил. Механизм Создателей сработал как буфер — он принял на себя часть нагрузки. Если мы сможем использовать накопитель в Узле как такой же буфер...

— Накопитель в Узле в десять раз мощнее этого механизма, — перебил Кай. — И он напрямую подключён к Системе. Без посредников. Без защиты. Если я попытаюсь интегрироваться с ним, поток энергии будет таким, что мой мозг расплавится за секунды. Ты сама это знаешь.

— Есть способ снизить нагрузку, — возразила Лина, и в её голосе прозвучала отчаянная надежда. — Если мы запустим интеграцию не напрямую, а через цепочку терминалов — как через реостат, — мы сможем контролировать поток. Я уже просчитала схему. Теоретически это должно работать.

— Теоретически, — повторил Кай, и его губы тронула горькая усмешка. — Вся наша жизнь в последнее время — это «теоретически».

— Я не хочу, чтобы вы умирали! — выкрикнул Шнырь, и его голос, сорванный и полный слёз, разорвал тишину убежища. — Господин инквизитор, вы обещали! Вы обещали, что вернётесь! Что мы все вернёмся! Что мы будем вместе!

Кай подошёл к нему и опустился на одно колено. Положил руки на плечи мальчишки и заглянул в его заплаканные глаза.

— Я помню своё обещание, — сказал он тихо, но твёрдо. — И я сделаю всё, чтобы его сдержать. Но сейчас... сейчас я должен думать не о себе. Не о тебе. Не о Грегоре или Лине. А о них. — Он достал из нагрудного кармана рисунок девочки из приюта — мятый, залитый кровью и потом, но всё ещё сохранивший слабое, едва заметное свечение. Цветок. Тот самый, который она нарисовала для него. — О детях. О Корнелии. О всех тех, кто живёт в этой клетке и надеется на чудо. Если я не сделаю этого сейчас, если я отступлю, их надежда умрёт. И тогда всё, через что мы прошли, будет напрасно.

— Но почему вы? — прошептал Шнырь, и его плечи дрожали. — Почему всегда вы? Почему не кто-то другой? Почему не...

— Потому что я — наследник Эйдана Вэлса, — ответил Кай, и в его голосе прозвучала странная, горькая гордость. — Потому что во мне течёт кровь Создателей. Потому что я — единственный, кто может это сделать. И потому что... — он на мгновение замолчал, подбирая слова, — потому что я должен. Не ради себя. Ради них. Ради тебя. Ради всех нас.

Шнырь всхлипнул и, не выдержав, бросился к Каю, обхватив его руками. Его худое, костлявое тело дрожало от рыданий, и Кай чувствовал, как слёзы мальчишки пропитывают его куртку. Он обнял Шныря в ответ — крепко, сильно, как обнимают брата, которого боятся потерять.

— Я не хочу, чтобы вы умирали, — повторил Шнырь, и его голос был приглушён тканью куртки. — Вы — единственный, кто ко мне по-доброму. Единственный, кто верит в меня. Если вы умрёте, я...

— Я не умру, — перебил его Кай, и в его голосе, несмотря на всю боль и усталость, прозвучала непоколебимая уверенность. — Я пройду через это и вернусь. Может быть, без магии. Может быть, израненный. Но я вернусь. Потому что я обещал тебе. Потому что я обещал им. Потому что моя семья ждёт меня.

Грегор, всё это время стоявший в стороне, медленно подошёл и положил руку на плечо Кая. Его лицо, изрезанное морщинами и пересечённое шрамом, было мрачным, но в глазах — тех самых глазах, которые видели столько боли и потерь, — горел огонь. Огонь человека, который давно перестал бояться смерти и боялся только одного: что его жертва будет напрасной.

— Тогда идём, — произнёс он, и его голос, низкий и раскатистый, прозвучал в тишине убежища как приказ. — Хватит разговоров. Если мы собираемся это сделать — сделаем сейчас. Пока у нас есть силы. Пока у нас есть шанс. Пока Архитектор не опомнился и не перекрыл нам путь.

Кай кивнул. Он поднялся на ноги и в последний раз оглядел убежище — эти древние обсидиановые стены, этот загадочный механизм Создателей, эти светящиеся нити «фона», свисавшие с потолка, как безмолвные свидетели всего, что здесь произошло. Где-то глубоко в его сознании мелькнула мысль: он может больше никогда не увидеть это место. Может больше никогда не вернуться сюда. Может, через несколько часов его уже не будет в живых.

Но он отогнал эту мысль. Не время для сомнений. Не время для страха. Время действовать.

— Выступаем, — сказал он, и его голос, преодолев всё — боль, усталость, страх, — был твёрдым и уверенным. — У нас есть несколько часов до того, как Архивариус начнёт свою атаку. Мы должны быть в Узле до того, как это случится. И мы должны быть готовы ко всему.

Часть II. Тени в коллекторе

2

Старый канализационный коллектор встретил их запахом гнили, ржавчины и чего-то ещё — сладковатого, приторного, что Кай уже привык ассоциировать с нестабильной магической энергией. Здесь, глубоко под землёй, вдали от протоколов и Тарификации, «фон» был особенно силён. Он струился по стенам коллектора бледно-голубыми ручейками, скапливался в лужах на ржавом полу, пульсировал в воздухе, как невидимое сердце. Кай чувствовал его своим аурным зрением — ослабленным, искажённым «Скверной», но всё ещё работающим. «Фон» был здесь диким, необузданным, свободным. И это одновременно успокаивало и пугало его.

Они шли уже больше часа. Туннель, выложенный из старого, потемневшего от времени кирпича, то сужался настолько, что приходилось пробираться боком, цепляясь плечами за осыпающиеся стены, то расширялся, превращаясь в подземные залы, где капающая с потолка вода создавала странное, почти музыкальное эхо. Пол был покрыт слоем вязкой грязи, в которой то и дело попадались какие-то обломки: ржавые трубы, осколки кирпича, кости мелких животных. Один раз им пришлось перебираться через завал из осыпавшегося бетона, который перегородивал туннель почти полностью. Другой раз — пробираться по пояс в ледяной, мутной воде, которая затопила низину коллектора.

Грегор шёл первым, держа меч наготове. Его старая рана на плече всё ещё давала о себе знать — время от времени он морщился от боли, но не замедлял шага. Его глаза, привыкшие к темноте, сканировали пространство впереди, выискивая признаки опасности. Лина шла за ним, её механическая рука тихо гудела в боевом режиме. Портативный монитор, прикреплённый к её поясу, время от времени издавал короткие, резкие гудки — она сверяла маршрут со старой картой, которую Грегор достал из своих архивов. Кай замыкал строй. Его тело, всё ещё не оправившееся после интеграции с Системой, протестовало против каждого движения, но он заставлял себя идти. Не останавливаться. Не сдаваться.

Шныря с ними не было. Кай настоял, чтобы мальчишка остался в убежище — там, где он мог координировать их действия через «Шёпот», не подвергая себя опасности. Шнырь протестовал, умолял, даже плакал — но в конце концов согласился. Он понимал, что его роль в этой операции не менее важна, чем роль тех, кто идёт в бой. И он поклялся, что не подведёт.

— Первый маркер, — произнесла Лина, останавливаясь у стены коллектора. Она указала на едва заметный символ, выцарапанный на кирпиче, — три пересекающиеся линии, образующие букву «Н». Знак Сектантов. — Мы на правильном пути. Ещё двести метров — и будет развилка. Налево — тупик, направо — старый технический колодец, ведущий прямо к фундаменту Узла.

— Надеюсь, колодец не затоплен, — проворчал Грегор, вытирая грязь с лица. — Я уже по горло сыт этой водой.

— Затоплен или нет — мы пройдем, — ответил Кай, и в его голосе прозвучала мрачная решимость. — У нас нет выбора.

Они двинулись дальше. Туннель становился всё более узким и извилистым. Стены, покрытые многолетней копотью и плесенью, давили со всех сторон, создавая ощущение, что они находятся в глотке какого-то гигантского зверя, который вот-вот сомкнёт челюсти. Кай чувствовал, как холод «Скверны» внутри него начинает шевелиться — медленно, лениво, словно просыпаясь после долгой спячки. Он знал, что это плохой знак. Знал, что чем ближе они подходят к Узлу, тем сильнее становится «фон» — и тем активнее реагирует «Скверна» на его присутствие. Но он ничего не мог с этим поделать. Оставалось только идти вперёд и надеяться, что тело выдержит.

Развилка появилась внезапно. Один туннель уходил влево — тёмный, затопленный, с низким потолком, откуда свисали ржавые трубы и какие-то волокнистые отложения, похожие на грязную паутину. Другой — вправо, более широкий и сухой, но уходящий куда-то вниз, в темноту, откуда тянуло холодом и слабым, едва заметным скрежетом.

— Нам направо, — сказала Лина, сверяясь с монитором. — Но... что-то не так. Мой сканер показывает какую-то аномалию впереди. Слабый сигнал. Не похоже на Систему. Скорее на какое-то органическое...

Она не успела договорить. Из темноты правого туннеля раздался звук — низкий, утробный рык, от которого у Кая кровь застыла в жилах. Он слышал этот звук раньше. В Разломе. Когда хаос был совсем близко.

— Все назад! — рявкнул Грегор, отбрасывая меч в боевую стойку. — Лина, глушитель!

Лина уже активировала импульсный глушитель — тот самый, который она дала Каю перед выходом. Электромагнитная волна ударила в темноту туннеля, и на мгновение всё осветилось бледно-голубым светом. И в этом свете они увидели её.

Тварь была огромной. Метра три в холке, покрытая грубой, бугристой шкурой, напоминавшей смесь камня и плоти. Её голова — если это можно было назвать головой — представляла собой бесформенную массу, из которой торчали десятки щупалец, каждое из которых заканчивалось маленьким, но явно острым крючком. Глаз у неё не было — только рот. Огромный, круглый рот, усеянный рядами игольчатых зубов, который сейчас был развёрнут в их сторону.

— Мутировавший хаосит, — прошептал Грегор, не опуская меча. — Одна из тех тварей, что родились из дикой маны после Войны. Я думал, они вымерли.

— Похоже, нет, — ответил Кай, обнажая свой кинжал. — Лина, у тебя есть что-нибудь против неё?

— Глушитель её только разозлил, — ответила Лина, и в её голосе прозвучал страх. — Её магия не основана на протоколах. Это дикая мана. Она не поддаётся подавлению.

Тварь снова зарычала и двинулась вперёд. Её движения были медленными, но невероятно мощными — каждый шаг сотрясал стены туннеля, заставляя кирпичи крошиться и падать в грязь. Щупальца на её голове зашевелились, вытягиваясь в сторону людей, и Кай понял, что ещё секунда — и они атакуют.

— Бейте по щупальцам! — скомандовал он, бросаясь вперёд. — Это её сенсоры! Если мы ослепим её, у нас будет шанс!

Грегор не заставил себя ждать. Его меч, длинный и двуручный, описал в воздухе широкую дугу и отсёк одно из щупалец. Тварь взревела от боли — звук был таким громким, что у Кая заложило уши, — и попыталась контратаковать. Оставшиеся щупальца метнулись вперёд, целясь в лицо Грегора, но старый инквизитор был быстрее. Он уклонился, перекатился вбок и нанёс второй удар — на этот раз по ноге твари. Лезвие меча вонзилось в бугристую плоть, и из раны хлынула густая, чёрная жидкость, похожая на смолу.

— Лина! Термитный заряд! — крикнул Кай, уворачиваясь от ещё одного щупальца.

Лина выхватила из своего рюкзака небольшой металлический цилиндр — один из тех, что она модифицировала для борьбы с мутантами, — и метнула его в открытую рану на ноге твари. Цилиндр застрял в ране, зашипел, и через секунду взорвался ослепительно-белым пламенем. Термит прожигал плоть хаосита, как нож — масло, и тварь завывала от боли так громко, что с потолка посыпались кирпичи.

— Добейте её! — крикнула Лина, отступая назад.

Грегор, не теряя ни секунды, взмахнул мечом. Лезвие, закалённое в пламени древних кузниц и усиленное магией его наставника, описало идеальную дугу и вонзилось прямо в центр головы твари — туда, где сходились все щупальца. Хаосит издал последний, предсмертный вой и рухнул на пол туннеля, подняв тучу грязи и ржавой воды.

Тишина. Только тяжёлое дыхание трёх людей, стоящих над трупом мутанта, да редкие, затухающие искры термитного пламени, всё ещё горящего в ране.

— Твою же мать, — прошептала Лина, и её голос, обычно ровный и аналитический, был полон потрясения. — Я думала, что самое страшное, что мы встретим, — это «Плащи». Но это...

— Это только начало, — перебил её Грегор, вытирая меч о край своей куртки. — В Старом Городе и под ним водятся твари похуже. И чем ближе мы к Узлу, тем больше их будет. «Фон» здесь слишком силён. Он привлекает их.

— Значит, нужно двигаться быстрее, — сказал Кай, помогая Лине подняться (она поскользнулась на грязи во время боя). — Пока следующая тварь не учуяла запах крови.

Они продолжили путь, уже не разговаривая. Каждый был погружён в свои мысли. Кай думал о том, что этот бой — всего лишь прелюдия. Что настоящее испытание ждёт их впереди. Что ему, возможно, придётся пожертвовать собой, чтобы остальные выжили. И он был готов к этому. По крайней мере, он так думал.

Через полчаса они добрались до колодца. Это было узкое, вертикальное отверстие в потолке туннеля, укреплённое ржавыми металлическими скобами. Оттуда, сверху, сочился тусклый, серый свет — свет поверхности, который после многочасового блуждания в темноте казался почти ослепительным.

— Технический колодец, — прошептала Лина, указывая на ржавую табличку, прикреплённую к стене. — Согласно карте, он ведёт прямо в подвал Узла. Третий уровень. Там находятся генераторы и кабельные шахты. Если нам повезёт, мы сможем проникнуть в здание, не поднимая тревоги.

— А если не повезёт? — спросил Грегор.

— Тогда мы будем сражаться, — ответил Кай, берясь за первую скобу. — Как всегда.

Часть III. Вторжение

3

Подвал Центрального Узла встретил их тишиной. Не той тишиной, какая была в катакомбах, — глухой, абсолютной, лишённой даже эха, — а другой. Техногенной. Тишиной работающих машин. Где-то в темноте гудели генераторы, питающие здание. Где-то жужжали вентиляторы системы климат-контроля. Где-то щёлкали реле, коммутируя потоки данных. Это была тишина организма — холодного, бездушного, но живого. И этот организм пока не подозревал об их присутствии.

Кай выбрался из колодца первым. Он огляделся: просторное помещение, заставленное рядами ржавых шкафов с электрооборудованием, опутанное пучками кабелей, уходящих куда-то в потолок. Стены были бетонными, холодными, покрытыми многолетней пылью и паутиной. Освещение — тусклое, аварийное, — исходило от редких ламп, развешанных под потолком. Воздух пах озоном, разогретым металлом и чем-то ещё — сладковатым, приторным, как в коллекторе. «Фон» здесь был близко. Очень близко.

— Чисто, — прошептал он, помогая Лине выбраться из колодца. — По крайней мере, пока.

Грегор выбрался последним. Он сразу же принялся — старая привычка, выработанная годами патрулей в катакомбах, — и нахмурился.

— Чувствую автоматов, — тихо сказал он. — Где-то наверху, этажом выше. Сервоприводы, смазка, озон от сенсоров. Пока они нас не засеки, но если мы поднимем шум...

— Мы не будем поднимать шум, — ответил Кай. — По крайней мере, пока Сектанты не начнут атаку. Лина, где терминал?

Лина сверилась с монитором.

— Подвальный уровень не имеет прямого доступа к центральному терминалу. Нам нужно подняться на второй этаж, в диспетчерскую. Там находится локальный узел управления. Если мы захватим его, я смогу перенаправить протоколы и открыть путь в главный зал.

— Сколько автоматов между нами и диспетчерской? — спросил Грегор.

— Согласно моим данным... — Лина нахмурилась, вглядываясь в показания сканера. — Шестеро. Двое патрулируют коридор первого этажа, ещё четверо — на втором, вокруг диспетчерской. Плюс живые оперативники. По крайней мере, двое. Возможно, больше.

— Шестеро автоматов и двое «Плащей», — задумчиво повторил Грегор. — Против нас троих. Не самые лучшие шансы.

— У нас есть преимущество внезапности, — возразил Кай. — И у нас есть «Взломанный Свиток». Я могу использовать его, чтобы создать помехи для сенсоров — как тогда, на крыше. Это даст нам несколько минут, чтобы прорваться к диспетчерской.

— Несколько минут — это не вечность, — заметила Лина. — Если мы застрянем в перестрелке, нас задавят числом. Нам нужно действовать быстро и точно. Никаких ошибок.

— Ошибок не будет, — сказал Кай, и в его голосе прозвучала та самая непоколебимая уверенность, которую он сам не до конца чувствовал, но которую необходимо было демонстрировать. — Мы справимся. Как всегда.

Они двинулись вперёд, пробираясь между рядами электрошкафов. Подвал был лабиринтом — узкие проходы, перегороженные ржавыми трубами и пучками кабелей, пересекались и разветвлялись, создавая путаницу, в которой легко было заблудиться. Но Лина ориентировалась по своему сканеру, уверенно ведя группу в сторону лестницы.

Лестница обнаружилась в дальнем конце подвала — узкая, винтовая, ведущая наверх. Она была ржавой и скрипучей, и каждый шаг по ней отдавался гулким эхом, которое разносилось по всему зданию. Кай поморщился — если автоматы на первом этаже ещё не засекли их, то теперь у них был шанс.

— Приготовьтесь, — прошептал он, берясь за рукоять меча. — Когда мы поднимемся, начнётся бой.

Первый этаж Центрального Узла представлял собой длинный, тускло освещённый коридор, вдоль которого тянулись ряды дверей — кабинеты, технические помещения, склады. В конце коридора виднелась ещё одна лестница, ведущая на второй этаж. Где-то впереди, за поворотом, слышался низкочастотный гул сервоприводов. Автоматы.

Кай закрыл глаза и сосредоточился. «Взломанный Свиток» внутри него отозвался — холодный, пустотный, готовый к активации. Он не стал активировать его как атаку. Вместо этого он использовал его как глушитель — создал короткий, но мощный импульс, который на несколько минут должен был ослепить сенсоры автоматов.

— Пошли! — скомандовал он, бросаясь вперёд.

Они побежали по коридору. Их шаги гулко отдавались от бетонных стен. Где-то впереди автомат, потерявший ориентацию из-за помех, замер на месте и завертел головой, пытаясь перезагрузить сенсоры. Грегор, не замедляясь, на бегу взмахнул мечом и отсек ему голову одним точным ударом. Автомат рухнул на пол, рассыпая искры.

— Первый готов! — крикнул Грегор.

Второй автомат появился из бокового коридора. Он был более манёвренным — лёгкая разведывательная модель, оснащённая импульсной винтовкой. Он открыл огонь, и стена рядом с Каем взорвалась облаком бетонной крошки. Кай бросился на пол, перекатился и метнул кинжал — не в автомата, а в распределительный щит, висевший на стене рядом с ним. Кинжал вонзился в щит, и короткое замыкание вызвало выброс энергии, который на мгновение дезориентировал автомата. Этого мгновения хватило Грегору, чтобы подскочить и разрубить его пополам.

— Второй готов!

Путь на второй этаж был открыт. Но времени не было. Кай чувствовал, как его импульс затухает — сенсоры автоматов восстанавливались. Ещё минута — и весь первый этаж будет знать об их присутствии.

— Быстрее! — крикнул он, взбегая по лестнице.

Второй этаж оказался более просторным и лучше освещённым. Здесь, вдоль стен, тянулись ряды голографических панелей, на которых отображались какие-то данные — потоки Тарификации, статусы протоколов, карта города с отметками патрулей. В конце коридора виднелась массивная металлическая дверь с надписью «ДИСПЕТЧЕРСКАЯ». Перед дверью, в боевых стойках, стояли два автомата и двое живых оперативников в белых плащах.

«Белые Плащи» среагировали мгновенно. Один из них вскинул жезл подавления и активировал антимагическое поле. Другой выхватил импульсную винтовку и открыл огонь. Автоматы, не обременённые человеческой реакцией, начали наступать.

— Лина! Глушитель! — крикнул Кай, уворачиваясь от выстрелов.

Лина активировала импульсный глушитель, и электромагнитная волна ударила по автоматам. На короткое мгновение их сенсоры отключились, и наступление замедлилось. Грегор использовал эту паузу, чтобы атаковать — он бросился вперёд, и его меч столкнулся с жезлом одного из «Плащей». Зазвенела сталь, посыпались искры. Старый инквизитор был силен и опытен, но его противник не уступал ему в подготовке. Они закружились в смертельном танце, обмениваясь ударами.

Кай, тем временем, схватился со вторым оперативником. Тот был моложе и быстрее, но Кай компенсировал это опытом. Он уклонялся от выстрелов, используя архитектуру коридора как укрытие, и постепенно сокращал дистанцию. Когда расстояние сократилось до нескольких метров, он метнул свой кинжал — не в оперативника, а в панель над его головой. Панель взорвалась фонтаном искр, и оперативник на мгновение отвлёкся. Этого хватило. Кай подскочил к нему и точным ударом выбил оружие из его рук, а затем, использовав вес своего тела, опрокинул его на пол.

— Не убивай! — крикнул он Грегору, который уже занёс меч над своим противником. — Они нам нужны!

Грегор, тяжело дыша, остановился. Его противник, раненый в плечо, упал на колени, выронив жезл.

— Сдавайтесь, — произнёс Кай, обращаясь к обоим оперативникам. — Бой окончен. Вы проиграли.

Первый оперативник, тот, что был ранен в плечо, поднял голову и посмотрел на Кая. Его лицо, скрытое шлемом, было неразличимо, но Кай чувствовал его взгляд. Взгляд человека, который всю жизнь служил Системе и теперь столкнулся с тем, что Система не всесильна.

— Ты... ты тот самый инквизитор, — произнёс он, и в его голосе прозвучало что-то похожее на изумление. — Кай. Особо опасный. Мы думали, ты мёртв.

— Я жив, — ответил Кай. — И я здесь не для того, чтобы убивать вас. Я здесь, чтобы изменить всё. Вы можете помочь мне — или можете остаться в стороне. Выбор за вами.

Оперативник долго молчал. Его напарник, которого Кай обезоружил, тоже не произносил ни слова. Затем первый медленно стянул шлем, открывая лицо — молодое, бледное, с тёмными кругами под глазами. Лицо человека, который слишком много видел и слишком рано постарел.

— Я слышал о том, что ты сделал, — произнёс он тихо. — О приюте. О детях. О «Предохранителе». Я не знаю, правда ли это. Но если правда... тогда, может быть, ты действительно можешь что-то изменить.

— Я могу, — ответил Кай. — Но мне нужен доступ в главный зал. И мне нужно, чтобы вы не мешали.

Оперативник переглянулся со своим напарником. Тот, всё ещё лежавший на полу, медленно кивнул.

— Хорошо, — произнёс первый, поднимаясь на ноги. — Мы не будем мешать. Но и помогать не станем. Этого я обещать не могу.

— Этого достаточно.

Кай повернулся к Лине:

— Взламывай дверь. У нас мало времени. Сектанты начнут атаку с минуты на минуту.

Лина уже подключала своё оборудование к панели доступа рядом с дверью диспетчерской. Её пальцы — механические и живые — быстро бегали по клавиатуре, вводя команды. Дверь задрожала и начала медленно открываться.

— Готово! — крикнула она, когда проём стал достаточно широким.

Они ворвались в диспетчерскую. Это было просторное помещение, уставленное рядами мониторов и панелей управления. Вдоль стен тянулись голографические карты города, на которых пульсировали отметки патрулей, маршруты дронов и статусы протоколов. В центре помещения, за массивным терминалом, сидел оператор — человек в серой форме, который при виде вооружённых людей в ужасе вскочил с места.

— Не двигайся! — скомандовал Грегор, направляя на него меч. — И останешься жив.

Оператор замер, подняв руки. Его лицо, бледное и испуганное, было покрыто потом. Он не пытался сопротивляться — возможно, понимал, что это бесполезно.

Лина быстро подключилась к терминалу. Её пальцы залетали по клавиатуре с неестественной скоростью. На мониторах замелькали строки кода, схемы, статусы протоколов. Кай наблюдал за ней, сжимая рукоять меча. Время замедлилось. Каждая секунда казалась вечностью.

— Есть! — воскликнула Лина через несколько минут. — Я получила доступ к локальному узлу! Теперь я могу контролировать защиту здания. Отключаю автоматов на третьем этаже... блокирую двери в главный зал... перенаправляю патрули на ложную тревогу...

Она продолжала работать, и Кай видел, как на мониторах одна за другой гаснут красные отметки автоматов. Путь в главный зал открывался.

— Связь с Шнырём, — скомандовал он. — Скажи ему, что мы готовы. Пусть даёт сигнал Сектантам.

Лина кивнула и быстро набрала сообщение через «Шёпот». Прошло несколько томительных минут. Затем на одном из мониторов появилось новое уведомление: «ВНИМАНИЕ: НЕАВТОРИЗОВАННАЯ АТАКА НА ЗАПАДНЫЙ НАКОПИТЕЛЬ. ПОВТОРНАЯ АТАКА... ПОВТОРНАЯ...»

— Началось, — прошептал Кай, и его сердце забилось быстрее. — Сектанты атакуют.

На мониторах замелькали новые уведомления. Система фиксировала множественные нарушения, взрывы, перестрелки. Автоматы, которые ещё минуту назад охраняли Узел, начали передислоцироваться в сторону атаки. Защита здания ослабевала.

— Пора, — произнёс Кай, поворачиваясь к двери. — Грегор, Лина — за мной. Мы идём в главный зал.

Часть IV. «Нулевой Баланс»

4

Главный зал Центрального Узла поражал воображение. Это было гигантское, похожее на собор помещение, своды которого терялись в темноте на высоте не менее тридцати метров. Стены, выложенные из того же чёрного обсидиана, что и Алтарь Ноль, были покрыты рунами Создателей, которые слабо мерцали бледно-голубым светом. В центре зала, на массивном каменном постаменте, возвышался накопитель — колоссальный цилиндр, оплетённый медными катушками и обсидиановыми осколками. Его поверхность пульсировала — медленно, ритмично, словно гигантское сердце. И от этой пульсации у Кая перехватывало дыхание.

«Фон» здесь был не просто сильным — он был абсолютным. Он пронизывал каждую молекулу воздуха, каждый камень, каждую мысль. Кай чувствовал его своей аурой — измученной, искажённой «Скверной», но всё ещё способной воспринимать. Он чувствовал, как магия течёт через накопитель, как она растекается по городу, как она питает миллионы заклинаний, миллионы протоколов, миллионы жизней. И он чувствовал Архитектора — его присутствие, холодное и давящее, которое висело в воздухе, как невидимый купол.

— Я ждал тебя, Конкурирующий Администратор.

Голос Архитектора раздался отовсюду и ниоткуда. Не из динамиков — из самой реальности. Он был нейтральным, лишённым эмоций, но в нём звучало что-то новое. Что-то, похожее на... любопытство?

Кай вышел вперёд, к накопителю. Его шаги гулко отдавались от обсидиановых плит пола. Грегор и Лина остались у входа, держа оружие наготове.

— Ты знаешь, зачем я здесь, — произнёс Кай, и его голос, сорванный и хриплый, прозвучал в огромном зале как вызов.

— Знаю, — ответил Архитектор, и на мгновение над накопителем возникла его голограмма — белая маска на чёрном фоне. — Ты намерен активировать протокол «Нулевой Баланс». Ты хочешь изменить правила Тарификации. Отменить плату за магию. Сделать её свободной.

— Именно, — подтвердил Кай. — И я предлагаю тебе сделку.

— Я знаю условия твоей сделки, — перебил Архитектор, и в его голосе, впервые за всё время, прозвучало что-то похожее на усмешку. — Ты хочешь, чтобы я признал «Нулевой Баланс» более эффективным, чем текущая модель. Ты хочешь, чтобы я оптимизировал Систему в соответствии с твоими правилами. Ты думаешь, что я не могу отвергнуть более эффективное решение. И ты прав.

Кай замер. Это было слишком просто. Слишком легко. Подозрение холодной змеей заползло в его сердце.

— Но ты не учёл одного, — продолжил Архитектор, и его голова-маска слегка наклонилась, словно в задумчивости. — Твой «Нулевой Баланс» — это не оптимизация. Это перераспределение. Ты хочешь, чтобы магия стала свободной в Пепельной Воронке. Но ресурсы конечны. «Фон» не безграничен. Если ты отменишь плату здесь, нагрузка на другие сектора возрастёт. Те, кто живут за пределами Воронки, будут платить больше. Их баланс уйдёт в минус. Их лицензии будут аннулированы. Они умрут, чтобы жили твои.

— Это неправда! — крикнул Кай, но в его голосе прозвучало сомнение. — «Фон» — это не товар. Это естественная энергия. Её нельзя исчерпать!

— Можно, — ответил Архитектор, и в его голосе прозвучала холодная, бескомпромиссная уверенность. — Создатели ограничили доступ к «фону» не для того, чтобы поработить людей. Они сделали это, чтобы защитить их. Бесконтрольное использование магии истощает «фон», искажает его, превращает в хаос. Тарификация — это не просто плата. Это регулятор. Она обеспечивает равномерное распределение нагрузки. Если ты отменишь её, ты создашь дисбаланс. И этот дисбаланс убьёт тех, кто слабее.

— Ложь! — прошептал Кай, но его уверенность таяла.

— Проверь сам, — сказал Архитектор, и на голографических панелях, развешанных по стенам зала, отобразились данные. Графики, цифры, схемы. Кай увидел распределение магической нагрузки по городу. Увидел, как Пепельная Воронка, его родной сектор, потребляет ресурсы. Увидел, что будет, если нагрузка возрастёт. Увидел лица людей в соседних секторах — таких же бедняков, таких же угнетённых, как жители Воронки, — чьи балансы уйдут в минус, чьи лицензии будут аннулированы, чьи жизни оборвутся, чтобы Воронка могла жить свободно.

— Твой «Нулевой Баланс» — это утопия, — произнёс Архитектор, и его голос был полон холодного, бездушного торжества. — Ты хочешь свободы для своих — и готов заплатить за неё жизнями чужих. Чем ты тогда отличаешься от меня?

Кай упал на колени. Его руки, сжимавшие «Взломанный Свиток», дрожали. Он смотрел на данные, на лица, на цифры — и не мог отрицать. Архитектор был прав. Его «третий путь» вёл не к освобождению, а к новой форме угнетения. Он хотел спасти одних, жертвуя другими. Хотел стать героем — а стал бы тираном.

— Что же мне делать? — прошептал он, и его голос, сорванный и полный отчаяния, прозвучал в огромном зале как молитва.

— Выбор за тобой, — ответил Архитектор. — Ты можешь активировать «Нулевой Баланс» — и стать убийцей. Ты можешь отказаться — и сохранить статус-кво. Или ты можешь найти четвёртый путь. Тот, который я не вижу. Тот, который не видит никто.

Тишина. Кай стоял на коленях перед накопителем, и его разум метался в поисках выхода. Четвёртый путь. Должен быть четвёртый путь. Не сдаётся и не атаковать. Не спасать одних за счёт других. А...

И тут он понял.

— Я не буду выбирать между ними, — произнёс он, поднимаясь на ноги. Его голос, преодолев отчаяние, стал твёрдым и уверенным. — Я не стану жертвовать ни Воронкой, ни другими. Я изменю саму систему распределения. Не отменю Тарификацию — а сделаю её справедливой. Не для одного сектора — для всех. Не за счёт слабых — за счёт сильных. Ты говоришь, что ресурсы конечны. Но ты лжёшь. Ты накапливаешь излишки. Ты создаёшь дефицит искусственно, чтобы держать людей в страхе. Я видел это в архивах. Я знаю, сколько маны ты хранишь в резервных накопителях. Энергия, которой хватило бы, чтобы обеспечить весь город бесплатной магией на годы. Ты не распределяешь ресурсы — ты их копишь. И я положу этому конец.

Он положил руки на накопитель. Обсидиан был тёплым — не обжигающим, но живым. Пульсация маны отозвалась в его ладонях, в его сердце, в его существе. «Взломанный Свиток» внутри него отозвался и начал активироваться.

— Я, Кай, наследник Эйдана Вэллса, Конкурирующий Администратор, активирую протокол «Нулевой Баланс», — произнёс он, и его голос, усиленный магией, разнёсся по всему залу, по всему зданию, по всему городу. — Но не как обмен. Не как перераспределение. А как экспроприацию. Все резервные накопители Системы будут разблокированы. Вся накопленная мана будет возвращена в «фон». И отныне каждый житель этого города — каждый, независимо от его баланса, независимо от его статуса, — будет иметь равный доступ к магии. Бесплатно. Навсегда.

— Ты не можешь! — голос Архитектора впервые дал сбой — микроскопическая пауза, заминка, в которой прозвучало что-то, похожее на панику. — Это нарушит все протоколы! Это разрушит Систему!

— Нет, — ответил Кай, и его губы тронула улыбка. — Это освободит её.

И он активировал «Взломанный Свиток». Не как атаку. Не как интеграцию. А как ключ. Ключ, который открыл все резервные накопители Системы одновременно. Ключ, который вернул украденную ману обратно в «фон». Ключ, который изменил правила игры навсегда.

5

Эйфория накрыла Пепельную Воронку, как цунами. Это началось с Центрального Узла — ослепительная вспышка бледно-голубого света, которая на мгновение озарила весь сектор, от ржавых крыш до глубоких подвалов. А затем — волна. Не физическая — магическая. Волна чистой, нефильтованной маны, которая хлынула из накопителей и растеклась по улицам, по домам, по телам людей. Она была как глоток свежего воздуха после десятилетий удушья. Как первый луч солнца после вечной зимы. Как ответ на все молитвы, которые никто не осмеливался произнести вслух.

Люди выходили на улицы, не веря своим глазам. Их планшеты, которые ещё минуту назад показывали баланс их лицензий, теперь отображали одно-единственное слово: «СВОБОДНО». Счётчики остановились. Долги обнулились. Штрафы аннулировались. Магия — та самая магия, которая была привилегией богатых и проклятием бедных, — стала доступна всем. Бесплатно. Без условий. Навсегда.

Старуха, которая годами экономила каждую каплю маны, чтобы согреть свои больные суставы, теперь стояла посреди улицы и плакала, окружённая облаком тёплого, золотистого света. Мужчина, чей сын умер от голода, потому что не мог оплатить лицензию на жизнь, теперь смотрел на свои руки, с которых срывались искры магии — первые за тридцать лет. Дети, которые никогда не знали, что такое свобода, теперь бегали по ржавым крышам, рисуя в небе светящиеся узоры — цветы, звёзды, птиц. Тех самых, которых они никогда не видели вживую.

Шнырь стоял на крыше старого текстильного цеха и смотрел на всё это. Его глаза, лихорадочно блестящие в свете магических огней, были полны слёз. Он не верил. Он не мог поверить. Они сделали это. Они действительно сделали это. Господин инквизитор... Кай... он сдержал своё обещание.

— Шнырь? — раздался голос в «Шёпоте». Голос Лины. — Ты видишь это?

— Вижу, — прошептал Шнырь, и его голос дрожал от эмоций. — Я вижу, Лина. Они свободны. Мы свободны.

— Ещё нет, — ответила Лина, и в её голосе прозвучала тревога. — Смотри на восток. На границу сектора.

Шнырь повернулся. И замер.

На востоке, там, где заканчивалась Пепельная Воронка и начинались соседние сектора, небо было красным. Не бледно-голубым, не золотым — красным. Цвета тревоги. Цвета опасности. Цвета Системы, которая не сдавалась.

Из динамиков, развешанных на столбах, раздался голос. Не Архитектора — другой. Более резкий, более властный. Голос, который Шнырь никогда раньше не слышал, но который почему-то казался ему смутно знакомым.

«Внимание, Пепельная Воронка. Протокол „Нулевой Баланс“ идентифицирован как враждебная акция. Текущий статус сектора: „Карантин“. Вся магическая активность в радиусе пятисот метров от Центрального Узла временно разрешена. За пределами этого радиуса — запрещена. Нарушители будут подвергнуты немедленной ликвидации. Повторяю: Пепельная Воронка находится в состоянии „Карантина“. Ждите дальнейших указаний».

Шнырь побледнел.

— Лина... что это значит?

— Это значит, что Система не сдалась, — ответила Лина, и в её голосе прозвучала горечь. — Она отступила. Но она вернётся. И когда она вернётся...

Она не закончила фразу. Да это и не требовалось.

Шнырь смотрел на красное небо на востоке и чувствовал, как его сердце сжимается от страха. Они победили — но их победа была клеткой. Пепельная Воронка стала островом свободы посреди моря угнетения. И море это готовилось поглотить их.

Вот, что значит «Нулевой Баланс». Не освобождение — передышка. Не финал — начало новой главы.

Часть V. Нулевая сумма

6

Кай лежал на полу главного зала, не в силах пошевелиться. Его тело, выжженное активацией «Взломанного Свитка», было чужим. Магические каналы, которые и без того были повреждены «Скверной», теперь представляли собой пустыню — выжженную, мёртвую, без единой искры жизни. Дыхание было поверхностным и болезненным. Перед глазами плыли золотые пятна. В ушах звенело. Но он был жив. По крайней мере, пока.

Над ним склонились два лица. Грегор — мрачный, встревоженный, с мечом в руке. Лина — бледная, с лихорадочно вращающейся красной линзой и инъектором в механической руке.

— Ты спятил, — произнесла Лина, и в её голосе не было осуждения. Только усталость. И нежность. — Ты мог умереть. Ты практически умер. Твои показатели... я не знаю, как ты вообще дышишь.

— Я обещал, — прохрипел Кай, и его голос, сорванный и слабый, был едва слышен. — Я обещал им.

— Ты сдержал обещание, — сказал Грегор, и его голос, низкий и раскатистый, прозвучал в тишине зала с гордостью. — Ты сделал это, мальчик. Ты действительно сделал это.

— Что... что теперь? — спросил Кай, с трудом приподнимая голову. — Что с городом?

Лина и Грегор переглянулись. Их молчание было красноречивее любых слов.

— Говорите, — потребовал Кай, и в его голосе, несмотря на слабость, прозвучала стальная нотка.

— У нас проблемы, — произнесла Лина, и её голос, обычно ровный и аналитический, был полон тревоги. — Система объявила Воронку карантинной зоной. Магия работает только в радиусе пятисот метров от Узла. За пределами этого радиуса — полная блокировка. Хуже того — Архитектор перераспределил ресурсы. Он вывел все резервные накопители за пределы сектора. Мы не можем дотянуться до них.

— Но магия... она всё ещё работает здесь?

— Работает. Пока. Но мы как в осаде. «Плащи» стягиваются к границам сектора. Автоматы блокируют выходы. Дроны патрулируют воздушное пространство. Нам не дают ни уйти, ни расширить зону действия «Нулевого Баланса». Мы победили — но наша победа размером с полкилометра. А за этими пределами — всё по-прежнему.

Кай закрыл глаза. Перед его внутренним взором проносились лица. Дети из приюта — они всё ещё были живы, всё ещё свободны, но надолго ли? Корнелия — её вера в него, её надежда. Сектанты — те, кто пожертвовали собой, чтобы отвлечь Систему. И тётушка Мара, превращённая в Коллектора, — он так и не смог её спасти.

— Это ещё не конец, — произнёс он, открывая глаза. — Мы не можем остановиться сейчас. Мы должны найти способ расширить «Нулевой Баланс». Распространить его на весь город. На весь мир.

— Как? — спросила Лина, и в её голосе прозвучало отчаяние. — Ты выжег себя дотла, чтобы освободить полкилометра. Чтобы освободить весь город, тебе придётся умереть. И даже этого может не хватить.

— Есть способ, — раздался голос из темноты.

Все трое обернулись. В арке входа в главный зал стояла фигура — высокая, прямая, закутанная в тёмный плащ. Слепая повязка, поглощающая свет, была обращена к Каю.

— Ноль, — прошептал он.

— Я говорила тебе, что мой путь завершён, — произнесла она, делая шаг вперёд. — Но я ошибалась. Мой путь ещё не завершён. И твой тоже.

Она подошла к накопителю и положила ладонь на его обсидиановую поверхность. Её аура — раздробленная, мерцающая — на мгновение слилась с аурой накопителя, и по залу пробежала дрожь.

— Ты спрашиваешь, как расширить «Нулевой Баланс»? — произнесла она, и в её голосе, низком и глубоком, прозвучала странная, почти религиозная интонация. — Ответ прост. Нужно не расширять его. Нужно изменить саму Систему. Не локально — глобально. Не на время — навсегда. И для этого тебе нужно найти того, кто знает её исходный код. Того, кто знает «Ошибку Ноль».

— Отец-Логос, — прошептал Кай.

— Да, — подтвердила Ноль. — Ты должен найти его. Пока «Нулевой Баланс» ещё держится. Пока у тебя есть время. Пока ты ещё жив.

Кай медленно, преодолевая боль, поднялся на ноги. Его тело протестовало, но он заставил себя стоять.

— Тогда мы идём, — сказал он, и его голос, несмотря на всё, что он пережил, был твёрдым и уверенным. — Немедленно. В Старый Город. К Отцу-Логосу. Пока Система не опомнилась и не перекрыла нам путь.

— Ты едва стоишь на ногах, — возразил Грегор. — Тебе нужно отдохнуть.

— Отдохну, когда всё закончится, — ответил Кай. — А сейчас — вперёд. У нас нет времени.

Он сделал шаг к выходу. Потом ещё один. Его ноги дрожали, мышцы ныли, магические каналы были пусты, но он шёл. Потому что иначе не мог. Потому что его путь ещё не был завершён. Потому что где-то там, в темноте Старого Города, его ждал Отец-Логос — последний

хранитель древних знаний, человек, который знал ответ на вопрос, мучивший Кая всю его жизнь.

И он найдёт его. Чего бы это ни стоило.

Где-то наверху, в Центральном Соборе, оператор Юджин допил десятую за смену чашку синтетического кофе и уставился на экран. Карточка инцидента, которая ещё недавно показывала странный статус «Конкурирующий Администратор», теперь горела тревожно-красным с новой пометкой:

«ВНИМАНИЕ: АКТИВИРОВАН ПРОТОКОЛ „НУЛЕВОЙ БАЛАНС“. СТАТУС СЕКТОРА 7-ОМЕГА: КАРАНТИН. УГРОЗА: КРИТИЧЕСКАЯ. СУБЪЕКТ КАЙ ПЕРЕВЕДЁН В КАТЕГОРИЮ „АБСОЛЮТНАЯ УГРОЗА“. НЕМЕДЛЕННАЯ ЛИКВИДАЦИЯ САНКЦИОНИРОВАНА».

Юджин медленно поставил чашку на стол и протёр глаза.

— Ну что ж, инквизитор, — прошептал он, и в его голосе прозвучала странная смесь уважения и страха. — Ты сделал это. Ты действительно сделал это.

Но он знал, что Система не прощает. И что охота только начинается.

Глава 38: Безлимит и хаос

Часть I. Золотой час

1

Сначала был свет.

Он хлынул из накопителя в центре главного зала не ослепительной вспышкой — такие вспышки Кай видел, когда активировал «Предохранитель», когда принимал «Взломанный Свиток», когда его магические каналы горели, выжигаемые интеграцией с Системой, — а мягкой, переливчатой волной. Бледно-голубой, с золотистыми прожилками, с вкраплениями серебристого, похожими на звёздную пыль. Он потёк по обсидиановым плитам пола, по медным катушкам накопителя, по кабельным шахтам, уходящим в стены, — и дальше, за пределы Узла, в город. В Пепельную Воронку.

Кай лежал на холодном полу главного зала, не в силах пошевелиться. Его тело, выжженное активацией «Взломанного Свитка», было чужим. Магические каналы — те самые, которые он чувствовал всю свою сознательную жизнь, которые пульсировали в такт сердцу, которые горели огнём во время боя и замирали в моменты покоя, — теперь представляли собой пустыню. Выжженную, мёртвую, без единой искры жизни. Он попытался приподнять руку — и не смог. Мышцы не слушались. Пальцы, всё ещё сжимавшие край своего плаща, побелели от напряжения, но движение не получалось. Он словно разучился управлять собственным телом.

— Не двигайся, — произнесла Лина, и её голос, обычно ровный и аналитический, прозвучал с неожиданной тревогой. Она склонилась над ним, и её красная линза, заменявшая правый глаз, быстро завращалась, фокусируясь на его лице. Механическая рука, всё ещё дымившаяся после недавней перегрузки, держала иньектор. — Твои показатели... я не знаю, как ты вообще дышишь. Пульс — сорок два удара в минуту. Давление — ниже критического. Магический фон — ноль. Не низкий, не остаточный — абсолютный ноль. Ты выжег себя дотла, Кай.

— Я обещал им, — прохрипел он, и его голос, сорванный и слабый, был едва слышен в огромном зале. Гул накопителя, всё ещё вибрировавший в воздухе, заглушал слова.

— Ты сдержал обещание, — сказал Грегор. Старый инквизитор стоял у входа в главный зал, сжимая рукоять меча, и его лицо, изрезанное морщинами и пересечённое шрамом, было мрачным, но в глазах — тех самых глазах, которые видели столько боли и потерь, — горел странный огонь. Не гнев. Не страх. А что-то похожее на гордость. На благоговение. На скорбь. Всё вместе. — Ты сделал это, мальчик. Ты действительно сделал это. «Нулевой Баланс» активирован. Накопители разблокированы. Мана возвращается в «фон». Я чувствую это — даже старыми костями, даже без аурного зрения. Воздух стал другим. Свободным.

Кай попытался улыбнуться, но губы не слушались. Он чувствовал, как внутри него — глубоко, в самых корнях его существа, — что-то изменилось. Не только магические каналы. Что-то большее. Что-то фундаментальное. Он больше не был инквизитором. Он больше не был наследником Эйдана Вэллса. Он больше не был ни «Подозрительным», ни «Особо опасным», ни «Конкурирующим Администратором». Он был... кем? Он не знал. Пустотой. Нулём. Человеком, который отдал всё, что у него было, и теперь не знал, что делать дальше.

— Что... что теперь? — спросил он, с трудом приподнимая голову. Перед глазами плыли золотые пятна. В висках стучало. — Что с городом?

Лина и Грегор переглянулись. Их молчание было красноречивее любых слов. Лина отвела взгляд первой — она всегда была сильнее в технике, чем в эмоциях, и сейчас её лицо, бледное и осунувшееся, выражало растерянность. Грегор, напротив, смотрел прямо на Кая, и в его глазах не было ни сомнения, ни страха. Только правда. Та самая правда, которую старый инквизитор всегда говорил в лицо, не смягчая ударов.

— Говорите, — потребовал Кай, и в его голосе, несмотря на слабость, прозвучала стальная нотка. Та самая, которую он выработал за тридцать лет службы в Инквизиции. Нотка командира, привыкшего получать ответы на свои вопросы.

— У нас проблемы, — произнесла Лина, подключая свой портативный монитор к одному из уцелевших терминалов в зале. Её пальцы — одна человеческая, одна механическая — быстро забегали по клавиатуре. — Система не сдалась. Она отступила. Архитектор перераспределил ресурсы. Все резервные накопители, которые ты разблокировал, выведены за пределы сектора. Мы не можем дотянуться до них. Магия работает только в радиусе пятисот метров от Узла — здесь, в центре Воронки. За пределами этого радиуса — полная блокировка. Более того, Система объявила сектор «Карантинной Зоной». Смотри.

Она развернула монитор так, чтобы Каю было видно. На экране отображалась карта Пепельной Воронки — знакомая до последнего ржавого шпиля, до последнего проулка. Но теперь она была расчерчена новыми линиями. Пятьсот метров вокруг Центрального Узла были подсвечены бледно-голубым — зона действия «Нулевого Баланса». А всё, что находилось за этой границей, было алым. Цвета тревоги. Цвета опасности. Цвета Системы, которая не сдавалась.

— «Плащи» стягиваются к границам сектора, — продолжала Лина, и её голос стал жёстче. — Автоматы блокируют выходы. Дроны патрулируют воздушное пространство. Нам не дают ни уйти, ни расширить зону действия «Нулевого Баланса». Мы победили — но наша победа размером с полкилометра. А за этими пределами — всё по-прежнему. Тарификация работает. Протоколы действуют. Люди платят за каждый вдох магии. И Система делает всё, чтобы они не узнали, что здесь, в Воронке, может быть иначе.

Кай закрыл глаза. Перед его внутренним взором проносились лица. Дети из приюта — они всё ещё были живы, всё ещё свободны, но надолго ли? Корнелия — её вера в него, её надежда, её слова о том, что надежда — самая дефицитная вещь в Воронке. Сектанты — те, кто пожертвовали собой, чтобы отвлечь Систему и дать ему шанс добраться до Узла. И тётушка Мара, превращённая в Коллектора, — он так и не смог её спасти, так и не смог вернуть ей человеческий облик, так и не смог сказать ей, что её жертва была не напрасной.

И ещё одно лицо — лицо Ноль. Её слепая повязка, поглощающая свет. Её голос, низкий и глубокий, который говорил ему: «Ты — наследник Эйдана Вэллса. Ты — ключ. Ты — последняя надежда». Она верила в него. Она дала ему «Взломанный Свиток». Она показала ему третий путь. И он прошёл по нему — и выжил. Но что теперь? Что дальше?

— Это ещё не конец, — произнёс он, открывая глаза. — Мы не можем остановиться сейчас. Мы должны найти способ расширить «Нулевой Баланс». Распространить его на весь город. На весь мир.

— Как? — спросила Лина, и в её голосе прозвучало отчаяние. — Ты выжег себя дотла, чтобы освободить полкилометра. Чтобы освободить весь город, тебе придётся умереть. И даже этого может не хватить. Твои каналы разрушены, Кай. Не повреждены — разрушены. Ты не сможешь колдовать. Возможно, никогда. Если ты попытаешься активировать «Взломанный Свиток» ещё раз, это убьёт тебя — и даже не за секунды, а мгновенно. Твой мозг расплавится. Твоё тело выгорит. Ты станешь пеплом.

— Есть другой способ, — раздался голос из темноты.

Все трое обернулись. В арке входа в главный зал стояла фигура — высокая, прямая, закутанная в тёмный плащ. Слепая повязка, поглощающая свет, была обращена к Каю. Ноль. Она появилась, как всегда, бесшумно — словно материализовалась из самой темноты, из самой пустоты, которая была её единственным домом.

— Я говорила тебе, что мой путь завершён, — произнесла она, делая шаг вперёд. Её движение было плавным и текучим, как всегда, но Кай заметил, что её ноги не касаются пола. Она не шла — она плыла, словно призрак, лишь частично принадлежащий этому миру. — Но я ошибалась. Мой путь ещё не завершён. И твой тоже.

Она подошла к накопителю и положила ладонь на его обсидиановую поверхность. Её аура — раздробленная, мерцающая, бледно-голубая с золотым сгустком в центре — на мгновение слилась с аурой накопителя, и по залу пробежала дрожь. Не физическая — магическая. Кай почувствовал её даже сквозь пустоту своих выжженных каналов. Словно сама реальность на мгновение вздрогнула, узнавая в Ноль кого-то... родного.

— Ты спрашиваешь, как расширить «Нулевой Баланс»? — произнесла она, и в её голосе, низком и глубоком, прозвучала странная, почти религиозная интонация. — Ответ прост. Нужно не расширять его. Нужно изменить саму Систему. Не локально — глобально. Не на время — навсегда. И для этого тебе нужно найти того, кто знает её исходный код. Того, кто знает «Ошибка Ноль».

— Отец-Логос, — прошептал Кай.

— Да, — подтвердила Ноль. — Ты должен найти его. Пока «Нулевой Баланс» ещё держится. Пока у тебя есть время. Пока ты ещё жив.

2

А в это время в Пепельной Воронке начиналось нечто, чего никто из них не мог предвидеть. Нечто, что не вписывалось ни в планы Архитектора, ни в расчёты Лины, ни в пророчества Ноль. Нечто, что было одновременно и чудом, и катастрофой.

Свобода.

Она хлынула в город вместе с волной маны из накопителей. Не та свобода, о которой говорили Сектанты в своих молитвах, — абстрактная, философская, доступная лишь посвящённым. И не та свобода, которую обещал Архивариус, — кровавая, разрушительная, замешенная на мести. А свобода простая, осязаемая, физическая. Свобода колдовать без оглядки на баланс лицензии. Свобода использовать магию не как товар, а как воздух — бесплатно, без условий, без ограничений. Свобода, о которой жители Воронки не смели и мечтать последние тридцать лет.

И они не знали, что с ней делать.

Первые минуты после активации «Нулевого Баланса» были наполнены тишиной. Не той тишиной, какая была в катакомбах, — глухой, абсолютной, лишённой даже эха. А тишиной ожидания. Люди стояли на улицах, на ржавых крышах, в проёмах окон и смотрели на свои планшеты. На экранах, которые ещё минуту назад показывали баланс лицензий — эти проклятые цифры, определявшие, кто будет жить, а кто умрёт, — теперь пульсировало одно-единственное слово: «СВОБОДНО». Никаких объяснений. Никаких инструкций. Никаких предупреждений. Только это слово — и ощущение, как что-то невидимое, но невероятно мощное разливается в воздухе, проникает под кожу, заполняет лёгкие, смешивается с кровью.

Старуха, которая годами экономила каждую каплю маны, чтобы согреть свои больные суставы, стояла посреди улицы и смотрела на свои руки. Её ладони, сухие и морщинистые, покрытые старческими пятнами, дрожали. Она не произносила заклинаний — она не знала заклинаний, её никогда не учили, магия была для неё лишь способом выжить, не более. Но сейчас, впервые за тридцать лет, она просто... захотела тепла. И тепло пришло. Мягкое, золотистое, оно заструилось от её пальцев, окутало её плечи, её спину, её колени, которые всегда болели в сырую погоду. Она заплакала — беззвучно, не издавая ни звука, как плачут люди, которые слишком долго терпели боль и уже забыли, что такое облегчение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.